

Телохранитель
Евгения Охотникова

МАРИНА СЕРОВА

Карамельные
сны

Повесть

Осколки
любимого
сердца

Повесть

Марина Сергеевна Серова
Карамельные сны
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166999

Карамельные сны. Осколки любимого сердца: Эксмо; М.: 2008

ISBN 978-5-699-27872-5

Аннотация

Банкир Гонопольский умер при загадочных обстоятельствах – причиной смерти послужила отравленная сигара. Красавец миллионер любил побаловать себя в минуты отдыха сигарой и чашкой кофе... Прошло полгода, и под прицелом снайпера оказалась вдова погибшего. Марину, как одну из главных наследниц, видимо, решили устранить – эта голубоглазая кукла вообразила, что способна возглавить банк! Так пусть знает свое место, а место ее рядом с мужем – на кладбище... Однако, хотя Марина Гонопольская и похожа на куклу, голова у нее работает как надо. Евгения Охотникова, ее телохранитель, уж на что профессионал, и то не сразу поняла, с кем имеет дело...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марина Серова

Карамельные сны

*Все события вымышлены автором. Все
совпадения случайны.*

Глава 1

Кто-то несколько раз слабо царапнул по раме, и к балконному стеклу прижалось бледное как смерть лицо.

Я не закричала и не бросилась вон из комнаты, что мне, наверное, полагалось бы сделать по сюжету. Многолетняя служба в специальном отряде быстрого реагирования воспитывает такую выдержку, о которой обычная домохозяйка даже не мечтает.

Вот почему при первом же звуке, донесшемся с балкона, я быстро выскочила из кровати, метнулась в сторону и заняла самую выигрышную для наблюдения позицию: между стеной и балконом, напротив висящего на противоположной стене большого зеркала. В этом зеркале отражалось все, что происходило позади меня.

Шел первый час ночи, и (опять же по сюжету) всем женщинам, самостоятельно зарабатывающим на хлеб, полагалось бы в это время спать мертвецким сном, чтобы с утра

чувствовать себя бодрыми и готовыми к новым трудовым подвигам. Но я редко когда засыпала раньше двух. Во-первых, моя потребность во сне давно уже ограничивалась четырьмя-пятью часами в сутки, а во-вторых, во мне с детства укоренилась привычка что-нибудь полистать перед тем, как выключить свет.

Вот и сейчас бра над моей кроватью горело именно потому, что до стука в окно я читала купленный сегодня свежий номер «Телохранителя». Сейчас журнал валялся на полу вместе с одеялом, а я, прижавшись спиной к стене, пыталась разглядеть в зеркале то, что происходило на балконе.

Собственно говоря, ничего особенного я там пока не увидела. За исключением, конечно, белого, очень широкого (хотя так могло показаться из-за того, что оно прижималось к стеклу) лица с неестественно расплюснутым курносым носом. Какой-то тип заглядывал ко мне в комнату и, казалось, что-то высматривал. Потом лицо чуть сдвинулось влево, и в зеркале отразилась розоватая белизна плеча и часть руки – ночной гость ощупывал балконную дверь, видимо, искал ручку или задвижку.

Покрепче сжав пистолет (выкатываясь с кровати, я, конечно, не забыла выдернуть из-под подушки оружие, иначе грош цена была бы моему профессионализму), я на секунду задумалась, как поступить. Разбить рукояткой стекло и, воспользовавшись замешательством неизвестного, оглушить его по кумполу? Но жалко было не столько стекла,

сколько тетю Милу – сейчас она мирно спала в своей комнате, и мне не хотелось пугать ее посреди ночи. И если же на балконе не враг, а просто, скажем, какой-нибудь неудачливый любовник (не мой, естественно, – соседский), то разбитое стекло и тетушкин нарушенный сон – слишком дорогая плата за этот анекдот.

Ну а если все же враг? Учитывая специфику моей профессии и образ жизни, в этом не было ничего удивительного. Но, с другой стороны, враги не привлекают к себе внимание. А тот, на балконе, не прятался – напротив, отчаянно хотел, чтобы его заметили. Тусклый свет бра и блики на зеркале не давали детально рассмотреть того, кто находился за моей спиной, – непонятно было даже, мужчина там или женщина, – все же было видно, что этот человек не прятался. И более того – судя по всему, он нуждался в помощи.

Я резко развернулась и быстрым движением повернула балконную ручку вперед и вниз. Распахнувшаяся дверь впустила в комнату холодное дыхание осенней ночи.

И сразу же прямо мне на руки упала... женщина.

Молодая. Красивая. В одном нижнем белье и – без сознания.

На вид ей было не больше двадцати – двадцати двух лет. И даже сейчас, несмотря на мертвенную бледность, эту девушку можно было назвать очень хорошенькой.

Не красивой, как я сначала подумала, а именно хорошенькой – с той милой припухлостью в лице и фигуре, кото-

рая выдает любительницу сладкого, с забавной курносостью, круглыми, тугими, как у куклы, щеками и мягкой россыпью льянных кудряшек – что примечательно, созданных не умелой рукой парикмахера, а самой природой.

Несмотря на чуть заметную полноту, можно было сказать, что и сложена девушка была неплохо. Да, я смогла это оценить, потому что на ней были всего лишь кружевные трусики-стринги и такой же очень открытый лифчик «а-ля один нарек», который не скрывал, а напротив – выставлял на обозрение пышные, как булочки, полушария груди.

Когда я укладывала непрошеную гостью на свою кровать (ну а что оставалось делать, не на пол же ее сваливать!), то обратила внимание: голые ноги и руки были сплошь покрыты свежими ссадинами и царапинами.

Я провела пальцами по рыжей полосе, идущей от предплечья до локтя, а потом поднесла руку к глазам: так и есть, ржавчина пополам с уличной пылью. Выходит, девица-то не робкого десятка: раздетая, в одиночку, в холодную сентябрьскую ночь умудрилась перелезть с одного из соседних балконов на пожарную лестницу, что шла по нашей стороне дома, а уж оттуда перебраться уже и на наш с тетей Милой балкон.

Но зачем?! Мы всегда рады гостям, однако еще никто не являлся к нам голым через балкон и в первом часу ночи!

Я разглядывала девушку не более минуты, когда она вдруг открыла глаза.

– Кто вы? – спросила гостя-экстремалка, не меняя позы

и даже не шевельнувшись.

Вопрос заставил меня усмехнуться.

– Если вы еще спросите меня, хозяйку квартиры: «Что вы тут делаете?», то ситуацию уже с полным правом можно будет назвать идиотской. А кто вы?

– Я? Я Марина.

– Очень приятно. А дальше?

– А что дальше? Я не знаю, что дальше. Вы спросили – кто я, я ответила: меня зовут Марина.

– Да? И, по-вашему, это все объясняет? – весело спросила я.

– А что я должна объяснить?

– Ну хотя бы то, зачем вы пришли ко мне через балкон и почему перед визитом не надели на себя хотя бы пеньюарчик.

– Какой пеньюарчик... – пробормотала Марина. – У меня нет никакого пеньюарчика...

И вдруг воспоминание прошло перед ее чудными, фиалкового цвета глазами. Марина широко распахнула их, на секунду замерла – и внезапно резко привстала на кровати, обхватив себя руками, и громко застучала зубами.

– Успокойтесь. Лягте.

– Я... я не могу... Я все вспомнила!

– Это прекрасно, однако все-таки лягте под одеяло. Вам холодно?

– Нет.

– Но вы бледны, и губы дрожат. Хотите воды?

– Нет. Лучше... Пожалуйста! Если у вас есть, лучше коньяк или... или даже водки! Стакан.

Я, конечно, засомневалась, что когда-нибудь такому нежному созданию приходилось хлестать водку стаканами, но для лекции о вреде алкоголя время было не совсем подходящее. Поэтому я, тяжело вздохнув, направилась на кухню и вскоре вернулась с рюмкой коньяка.

– Вот. Не слишком много для вас?

Вместо ответа Марина схватила рюмку и одним глотком осушила ее. Она даже не закашлялась и не подавилась – только подняла на меня враз повлажневшие глаза и судорожно задышала.

– Ну а теперь... – начала я.

Нетрудно было догадаться, что я была намерена получить ответ на второй вопрос – с какой целью девушка Марина совершила столь опасное путешествие в час ночи. Вряд ли ради того, чтобы выпить рюмку коньяка из шкафчика тети Милы.

– ...а теперь...

– Пожалуйста, не спрашивайте ничего! – взмолилась Марина и сложила у подбородка пухленькие ладошки. – Я все-все расскажу, только чуть попозже, хорошо?

– Когда попозже?

– Ну я не знаю... Ну завтра утром. Ладно? Утром? Сразу, как только встанем?

– Вы что, намерены заночевать у меня?

– Да! Пожалуйста! Можно, я останусь? Или...

– Или что?

– Или они меня убьют! – испуганно прошептала Марина.

Аргумент был весьма убедителен. Конечно, строго говоря, до ночной гостьи и ее жизненных сложностей лично мне не было никакого дела. И вообще, мне хотелось спать, а не чувствовать себя героиней какого-то киношного фарса. Но, с другой стороны – положила руку на сердце, кто же сможет вот так, не дрогнув, взять и выставить из дому раздетого человека, которому явно угрожает опасность?

Я зевнула и пожала плечами.

– Ладно. Что бы у вас там ни случилось, будем надеяться, что до моей кровати ваши враги не доберутся. А посему ложимся, выключаем свет – и в объятия Морфея. Надеюсь, вы не имеете привычки лягаться во сне или стягивать с соседа одеяло, потому что спать нам придется вместе.

Даже при неярком свете бра видно было, как Марина покраснела.

– Нет... Вы знаете, никто никогда не жаловался.

Я фыркнула и, перетащив на свою сторону кровати одну из подушек, всем своим видом дала понять, что больше вопросов к ночной гостье нет. Спать хотелось просто ужасно. Но перед тем, как отключиться окончательно, я вынула из кармана пижамы пистолет и сунула его обратно под подушку.

Сделала я это почти автоматически, просто повинуюсь отработанным годами привычке, а вовсе не для того, чтобы произвести на Марину впечатление. Однако, увидев оружие, девица взвизгнула и вцепилась руками в спинку кровати.

– Что вы делаете! Что вы?! Зачем это у вас?

– Извините, пугать не хотела. Ничего страшного. Просто я никогда не расстаюсь с оружием. Но само по себе оно не выстрелит, можете не сомневаться.

– Вы никогда не расстаетесь с оружием? А кем вы работаете?

– Телохранителе-е-ем, – ответила я, зевая на последнем слог.

– Телохранителем? Вы! Но вы же женщина?

– Вот именно поэтому.

– Что именно поэтому?

– Именно поэтому меня и нанимают. Давай спать, а?

– Сейчас, но только вы объясните – почему?

– Господи, детка, да что тут объяснять? Если ты наймешь телохранителя-мужчину, то в баню или там, скажем, в дамскую комнату он с тобой все равно не пойдет, верно? Ну а я пойду. И внимания меньше привлекаю. Не всякому, знаешь, хочется, чтобы за спиной торчал дюжий мордоворот с метровыми плечами и мозгом размером с грецкий орех. Иногда клиенту для дела лучше выдать меня за секретаршу, подругу или любовницу. Вот и все, а теперь...

– Что теперь?

– А теперь давай спать.

Я задремала почти сразу, но сквозь сон слышала, как Марина долго ворочалась, вздыхала и, кажется, даже немного всплакнула.

А потом все стихло.

Утром я проснулась за секунду до того, как скрипнула дверь и в комнату заглянула как всегда свежая и как всегда в фартуке тетя Мила. Никогда мне не удавалось убедить тетю, что и просыпаться, и собираться, и завтракать я могу без ее участия и совершенно незачем вскакивать ни свет ни заря только для того, чтобы сварить мне кофе и дать на дорожку стандартный совет «быть осторожнее, а лучше бы и вовсе сменить профессию на что-нибудь более... мирное».

Я работаю телохранителем не первый год, а до этого еще несколько лет проходила службу в специальном отряде ГРУ, и тете Миле давно следовало понять, что ее единственная племянница просто не умеет делать ничего другого. Однако тетя этого не понимала. Она хотела, чтобы я жила обычной жизнью и не оставляла надежд выдать меня замуж за «порядочного, надежного мужчину», которому бы я стирала рубашки, варила борщи и вышивала бы утюжки. И то и другое я не могла себе представить даже в самом страшном сне, но разве это объяснишь тете?

Она была невероятно упряма – если, конечно, это слово можно применить к добрейшему человеку, который ухаживает

вал за мной как родная мать – свою маму я потеряла очень давно.

Тетя Мила вообще была для меня всем, потому что более близкого, чем она, человека у меня не было. Нет, строго говоря, еще был отец, генерал, но после его последней женитьбы через несколько недель после смерти мамы связь между нами прервалась – по моей инициативе и, скорее всего, навсегда.

...Итак, тетя Мила прошла по коридору и, скрипнув дверью, заглянула ко мне в комнату, заранее натянув на лицо виноватую улыбку – ей всегда было жалко меня будить. Но стоило тете увидеть, что в постели я, вопреки ее ожиданиям, нахожусь не одна, как улыбка превратилась в беззвучное «о!», и только очки помешали глазам выскочить из орбит. Еще бы! Ведь вчера вечером она лично пришла пожелать мне спокойной ночи и прекрасно видела, что в кровати я была одна.

– Тетя Мила, заходи, не стесняйся, – пригласила я, поднимаясь на постели и с улыбкой наблюдая, как тетушка подозрительно обшаривает глазами комнату, будто опасаясь, что где-нибудь в шкафу, за шторами или под столом прячется еще какой-нибудь «человек ниоткуда».

– Женя! Кто это?! – шепотом спросила тетя, падая на приставленный к стене стул.

– Марина.

– Как Марина? Почему Марина?!

– К сожалению, имя – это пока все, что я о ней знаю.

Я покосилась на гостью – укрытая одеялом, она лежала на боку, спиной к двери, по-детски положив под щеку обе ладошки. Моя гостя не только не проснулась, но даже и не пошевелилась от звука наших голосов.

Хмыкнув, я вылезла из постели и направилась в ванную, с наслаждением шлепая босыми ногами по прохладному полу. А тетя Мила осталась в комнате. Когда я, приняв контрастный душ, расчесавшись и почистив зубы, вернулась обратно, тетушка все еще продолжала сидеть на стуле – она не отрывала взгляда от Марины и скорбно качала головой. Видно, моя дорогая тетушка не ждала от этого визита ничего хорошего и заранее предчувствовала что-то недоброе.

– Сон у нее богатырский, – заметила я. За время моего отсутствия Марина даже не переменила позы.

– Женечка, ты что же, станешь будить бедняжку?

– Конечно, а по-твоему что – надо принести ей кофе в постель? Достаточно и того, что она свалилась к нам в дом как снег на голову и получила приют потому только, что хозяева оказались людьми необыкновенной доброты.

– Женя... – прошептала тетя, – а откуда она свалилась?

Вкратце я рассказала ей историю ночного визита. Тетя Мила, как и следовало ожидать, была потрясена сверх всякой меры.

– Перелезла через балкон?!

– Да, и через пожарную лестницу к тому же.

– Женечка, но ведь это очень опасно! – Тетя Мила так испугалась, будто свой подвиг Марина совершала только что на наших глазах. Она смотрела на мирно спящую девушку и готова была заплакать.

Мне в конце концов надоела эта история.

– Марина! – я потрясла девушку за плечо. – Марина, проснись!

Никакой реакции.

– Эй! Тебе надо просыпаться, слышишь? Вставай, если хочешь, чтобы я дала тебе надеть что-нибудь из своих вещей и проводила до такси или до милиции, по твоему выбору!

Я еще раз трянула Марину – не грубо, но крепко, так что не проснуться она уже не могла.

– А? Что? – пробормотала девушка, забавно моргая сонно.

– Уже утро! Тебе пора!

– Куда пора? Зачем? Я никуда не пойду.

– Вот здрасте! Еще чего не хватало. Давай вставай и собирайся. И поторопись, пожалуйста, – мне тоже пора.

Не дослушав, она снова закрыла глаза и мягко повалилась на постель.

– Марина!

– Ложись! – приказала она мне, не открывая глаз и неожиданно твердым тоном. – Еще рано. И ты никуда не пойдешь. Куда ты хотела пойти вообще?

– На работу, конечно!

– У тебя что, есть клиент?

– В данный момент нет, но...

– Ну и все.

– Детка, ты с ума сошла или так до сих пор и не проснулась? Если у меня нет клиента, это еще не значит, что я целыми днями валяюсь в постели! Я деловая женщина, в конце концов, у меня куча дел, которыми необходимо заниматься.

– Каких еще дел...

– Ну, это уж не твое дело. Вставай! – одним рывком и под тихий вскрик тети Милы я стащила с Марины одеяло.

Девушка никак не отреагировала, только подобрала под себя полненькие ножки, сворачиваясь клубочком.

– Сколько ты зарабатываешь в день? – сонно спросила Марина.

– В зависимости от сложности работы – от пятисот до полутора тысяч долларов.

– Я повышаю плату, – сообщила она, на миг приоткрывая и снова закрывая фиалковые глаза. – Буду платить тебе две. Ложись.

Мы с тетей Милой переглянулись. С тетиного лица не сходило выражение изумления, приправленного легким испугом, да и мое лицо вряд ли выражало что-либо другое – минус, конечно, испуг.

Марина, которую я машинально снова укрыла одеялом, продолжала мирно сопеть. А я, стоя около нее, напряженно раздумывала, как быть.

Откровенно говоря, уведомляя Марину о том, что у меня куча дел, я немного кривила душой – никаких особенных дел в это утро у меня не было. Все дело в том, что я привыкла вставать с петухами – «в свободные от клиента дни» я, как правило, посещала либо тренажерный зал с бассейном, либо ехала на аэродром прыгать с парашютом. Сегодня как раз был такой день – еще вчера я созвонилась с бывшими сослуживцами, и мы договорились потренироваться в групповой акробатике (это когда, сцепляясь руками, парашютисты образуют в воздухе красивые фигуры) и в прыжках со сверхмалых высот, которые считаются особенно опасными и оттого наиболее привлекательными.

Но теперь, похоже, планы придется отменить. И, кстати, не только из-за Марины.

Я подошла к окну и, одернув занавеску, посмотрела на серые лоскуты облаков, гонимых по небу резким ветром. Погода была не слишком подходящей для прыжков, а если ветер достигнет пятнадцати метров в секунду, то администрация аэроклуба и вовсе запретит нам любые тренировки.

«Что ж, в такой ситуации явление девушки Марины, с места в карьер предложившей мне хорошо оплачиваемую работу, можно даже считать нежданно привалившей удачей», – подумала я. Две тысячи долларов в день! Мы с тетей Милой не бедствуем, но деньги всегда нужны. Вот только...

– Две тысячи долларов в день. Интересно, откуда она думает вынимать их? – проворчала я, обернувшись к Марине. –

Первый раз меня нанимает клиент, одетый только в трусики и лифчик.

– Женья, – с упреком прошептала тетя Мила, – а если девочка и в самом деле нуждается в защите?

– Посмотрим. Час я ей поспать, пожалуй, дам. А потом в любом случае она отсюда уйдет.

– Почему? – воскликнула тетя Мила.

Сердобольная тетушка в своем воображении уже наверняка нарисовала картину, в которой девушка Марина, умытая, одетая и обласканная, сидит на кухне и рассказывает тете Миле о своих несчастьях.

Ну уж нет, этого не будет, решила я про себя. И по очень простой причине: кем бы ни была девушка Марина, ей, судя по ее же словам, угрожала нешуточная опасность.

«Можно, я останусь? Или... или они меня убьют!» – воскликнула она вчера ночью. Если допустить, что подобные страхи вызваны серьезными причинами, то вывод следовал только один: Марине и в самом деле угрожает смертельная опасность, а если она останется у нас в доме, опасность автоматически станет угрожать мне и тете Миле. А этого я допустить никак не могла. Тетя Мила – единственный человек в целом свете, которым я по-настоящему дорожу.

Вот почему ровно через два часа, дождавшись, когда Марина окончательно проснется, а умирающая от любопытства тетушка выйдет во двор посудачить с соседками (мне пришлось выставлять ее чуть ли не насильно), я, бросив на кро-

вать возле гостыи вынутые из собственного шкафа ковбойку и джинсы, уселась на стул и приказала:

– Рассказывай. И по возможности не отвлекаясь на малозначимые детали. Учти: твоего предложения получать две тысячи долларов в день я еще не приняла, все будет зависеть от того, что за работу ты мне предложишь.

Глубоко вздохнув, Марина принялась натягивать одежду.

– Странная ты, Женя. Как это какую работу? Ты же сама вчера сказала, что ты телохранитель. Я так рада, что тебя встретила. Это как раз то, что мне нужно!

– Да, но я пока не уверена, что это нужно мне.

– Почему? – Фиалковые глаза распахнулись, как два нежных весенних цветка, и в них мелькнуло выражение детского удивления. – Ты считаешь, что я мало тебе предложила? Но две тысячи долларов в день – это очень хорошие деньги!

– Деньги хорошие, да не все ими меряется. Знаешь что, давай начнем по порядку. Иначе, чувствую я, до сути нам никогда не добраться. Итак: как ты попала ко мне домой?

– Я перелезла через балкон. Я...

– Это понятно. Хорошо, сформулируем вопрос иначе: зачем тебе понадобилось перелезть через этот балкон? Ты от кого-то скрывалась?

– Да.

– От кого? От насильника?

– Нет. – Руки, застегивающие пуговицы на ковбойке, замерли, глаза снова смотрели удивленно. – Почему от насиль-

ника?

– Прости, но на тебе ведь почти ничего не было.

– Ах, это... Ну да. Это потому, что... Дело все в том, что... В общем, он застал нас, когда мы... Когда мы почти... Короче, мы были в постели.

– Кто «он» и кого «нас» застал?

– Ну он! Убийца! – вдруг сказала Марина трагическим шепотом.

Я чуть не подпрыгнула на стуле.

– Убийца? Он что, вошел через дверь?

– Нет, конечно! Иначе черта два бы я от него сбежала!

– А что же тогда произошло?

– Он выстрелил из окна. Я его даже не видела. Только услышала странный звук, такой, знаешь, как будто стеклянную банку открыли, и стекло в окне зашуршало, осыпалось. Поворачиваюсь, смотрю – Стас лежит ничком, головой к спинке кровати прислонился, в виске дырочка такая маленькая, а из нее течет кровь... А кругом шампанское хлещет, все простыни уже мокрые, и страшно так, ой, мама!

Марина села и закрыла лицо руками. Подбородок клиентки дрожал, и, кажется, я снова, как вчера, услышала, как застучали ее зубы.

– погоди-погоди! Ты хочешь сказать, что какой-то снайпер, а раз он стрелял с улицы, то это наверняка был снайпер, убил твоего мужа?

– Он мне не муж...

– Ну в данном случае это не суть важно, допустим – жениха или молодого человека. Так он убит?

– Да.

– Ты это точно знаешь?

– Да.

– Откуда?

– Я позвала его несколько раз, потом тронула... Женя, он мертвый был. Совсем.

– Хорошо. А дальше?

– Ну дальше... Сперва я, конечно, растерялась, а потом испугалась, стала кричать, а голоса нет. Сел от страха. А потом сообразила, что меня сейчас тоже, наверное, будут убивать. Дернула за шнурок, чтобы свет погас, там торшер такой возле кровати... Свет погас, а я во вторую комнату бросилась. Там окна на другую сторону выходят, я сразу поняла, что здесь он меня не достанет. И балкон. Ну и стала перелезть, руки тряслись, думала – вот сейчас сорвусь, вот сейчас... Но ничего. Повезло. Перелезла, оттуда на пожарную лестницу, а с лестницы к вам. Ну и все.

– Ничего себе – все! Ты хочешь сказать, что в эту самую минуту где-то там, в соседней квартире, лежит труп твоего любовника? И лежит уже как минимум часов десять!

– Ну да... Женя, а что я могла сделать? – воскликнула Марина, и хорошенькое личико исказила гримаса. – Ты что же, хотела, чтобы я Стаса к тебе на себе тащила? Зачем? Ему же все равно, он же мертвый уже! А мне спастись надо было!

– Да я не о том, господи! Еще не хватало, чтобы ты в самом деле приволокла ко мне домой своего убитого Стаса! Почему ты сразу в милицию не заявила? Хотя бы сразу после того, как оказалась вне опасности! Сказала бы мне – я бы вмиг тебе дала телефон! Десять часов не ударить палец о палец, тогда как в этом деле дорога каждая минута! Ну ты даешь!..

– Ну, во-первых, я испугалась, – загнула Марина один пальчик. – Во-вторых, я растерялась, – был загнут и второй. – А в-третьих, – и пухлая ручка внезапно собралась в крепенький кулачок, – ничего особенного милиция не потеряет, потому что они все равно придут к мысли, что стреляли в меня. Это даже я понимаю. Стреляли – в меня!

– Почему в тебя?

– А почему нет? – Марина даже как будто обиделась. – Конечно, в меня! Кто такой Стас? Обыкновенный водитель. У него просто тело отпадное, и секс он выдавал обалденный, а то бы я с ним никогда... Да он и сам это понимал, тем более что я денег немного ему давала, чтобы сразу было ясно: на меня можешь не рассчитывать. И врагов у него не было, ну сама посуди, какие враги у шофера?

– Враги есть даже у земляной мыши. И у шофера самые разные могут быть враги.

– Женя, даже если были враги, такие враги не убивают простого шофера из винтовки с крыши соседнего дома, или где там этот снайпер сидел! Разборки у водителей простые: по голове монтировкой или заточкой в спину. Даже я это по-

нимаю! А заказное убийство – оно же очень дорого стоит. Ну что, не так, скажешь?

– Нет, не скажу. Все так.

– Ну так вот! Никто не хотел убивать Стаса. А меня – хотели. И уже не в первый раз.

Я приподняла бровь.

– Вот как?

– Да!

Марина вдруг быстро оглянулась по сторонам и села на кровать, придвинувшись ко мне как можно ближе.

– Я ведь не сказала тебе самого главного, – жарко зашептала она. – Совсем в голове со страху все замутилось, а то бы тебе все сразу стало понятно... Ведь я знаешь кто?

– Конечно, не знаю, если не считать того, что ты – Марина!

– Правильно, Марина. Но какая Марина?

Лицо клиентки стало очень торжественным. Она ткнула себя в грудь оттопыренным большим пальцем и с гордостью произнесла:

– Все дело в том, что я – Марина Гонопольская!

– А-а-а, – протянула я теперь уже с большим интересом.

Вот сейчас действительно все стало намного понятнее.

Глава 2

Об убийстве видного банкира Максима Гонопольского в нашем городе говорили уже целых полгода. Удивительно было не то, что банкира убили (где в наше время не убивают банкиров? Это такое же неперемное и неборимое явление, как дождь весной или похмелье после банкета), а то, что устранили Гонопольского довольно необычным способом.

Банкир погиб не от снайперской пули и не от удара ножом, не в подстроенной автомобильной аварии – он умер, накурившись отравленного табаку. Какой-то неизвестный подменил деревянный ящичек с кубинскими сигарами, всегда стоявший в нише рабочего стола в кабинете Гонопольского, на точно такой же, но с отравленной начинкой. Как после показала экспертиза, в одной табачной палочке такой сигары содержалось около 0,2 грамма никотина – доза, которой вполне достаточно для того, чтобы умертвить сразу четверых человек.

– Муза Платоновна, сделайте мне кофе, пожалуйста. И до обеда никого ко мне не пускайте – я буду занят, – сказал он секретарше за несколько минут до смерти.

Грузная, полногрудая, с неизменной «халой» на голове, секретарь быстро приготовила кофе, водрузила чашу на поднос и, тяжело ступая, направилась в кабинет шефа. Откинувшись на спинку кресла, как всегда, свежий, румяный и

кудрявый (настоящий принц из сказки!) сорокалетний Максим Гонопольский обрезал кончик сигары специальными золочеными ножничками. Отливающий благородным отливом жемчужно-серый пиджак висел на спинке кресла. В предвкушении короткого отдыха банкир слегка ослабил узел галстука и сейчас был совсем не похож на главу серьезного финансового учреждения.

– Спасибо, – кивнул он секретарше, когда поднос с кофе был водружен на полированном столе. – Вы можете пойти пообедать, Муза Платоновна. И не слишком торопитесь – как я уже сказал, до четырнадцати часов мне никто не понадобится.

Секретарша поблагодарила и вышла из кабинета. Однако следовать совету шефа не спешила: решила сначала прибрать кое-какие скопившиеся у нее на столе бумаги.

И вот приблизительно минуты через полторы-две, скрепляя уже третью пачку документов и отправляя ее в скоростиватель, Муза вдруг услышала доносящиеся из-за двери странные звуки. Сначала ей показалось, что шеф закашлялся, подавившись слишком крепким сигарным дымом, потом кашель перешел в затяжной хрип, и вдруг замершая на месте секретарь с ужасом услышала глухой стук упавшего тела.

– Максим Леонидович! – взвизгнула Муза Платоновна, врываясь в кабинет банкира.

И как оказалось, не зря: Максим Гонопольский с вытаращенными глазами и раскрытым в надсадном кашле ртом ка-

тался по ковру, царапая ногтями грудь, будто стараясь насильно впустить внутрь порцию свежего воздуха. Кудри его намокли от враз выступившего пота, лицо было бледно безнадёжной, мертвенной бледностью.

Холодея от страха, Муза кинулась к телефону.

– «Скорая»! «Скорая»! Охрана, вызовите «Скорую»! – завизжала она.

Через несколько минут прибыла и охрана, и «Скорая», но все было уже кончено.

Еще молодой и красивый банкир Максим Леонидович Гонопольский, «топ-менеджер новой волны», надежда российского бизнеса, единственный сын престарелых родителей и муж молодой жены, умер в результате паралича дыхательно-го центра и дыхательных мышц, вызванных отравлением никотином.

Разговоры об этом убийстве в нашем городе продолжались до сих пор, а ведь прошло больше полугода. То, что это было именно убийство, стало ясно почти сразу: при обыске в кабинете погибшего следователи наткнулись на ящичек с сигарами. А экспертиза не только быстро сделала неутешительный вывод, о котором я уже рассказывала, но и установила, что ящичек подменили. Во-первых, на нем не было ничьих отпечатков пальцев, кроме самого Гонопольского, что было странным, ибо погибший имел привычку угощать сигарами партнеров и важных клиентов, и они сами не раз собственноручно открывали полированную крышку. Во-вторых, се-

рия и номер партии сигар, обозначенные на дне ящичка, не совпадали с сигарами, что хранились в сейфе у Музы Платоновны.

– Я всегда закупала их у одних и тех же поставщиков, – шумно сморкаясь в платок, гнусавым голосом давала показания секретарь. – И запас всегда стоял у меня в сейфе, ведь не могла же я допустить, чтобы в самый неподходящий момент Максим Леонидович остался без своих любимых сигар! Он всегда отдыхал с сигарой и кофе – говорил, что ничто другое его так не расслабляет... А теперь... Теперь... Ы-ы-ы-ы-ы-ы...!!! – завывала она в полный голос, да так, что у следователей заложило уши.

Конечно, логично было бы предположить, что сама Муза Платоновна и совершила роковую подмену, потому что именно ей сделать это было проще всего. Но следствие быстро отказалось от этой версии. Как-никак никто другой, как секретарша, натолкнула милицию на мысль сверить серии и номер отравленной сигарной партии с неотравленными, да и потом, от гибели шефа его непрезентабельная, очень полная и старомодно одетая секретарша не выигрывала ровным счетом ничего. Более того – она так и не смогла найти себе новую работу и часто толкалась в коридорах банка, куда ее пускали по старой памяти, стараясь нарочно попасться на глаза кому-нибудь из начальников отделов в тайной надежде снова поступить на службу.

Но надо заметить, что и с исключением секретарши Му-

зы Платоновны из круга подозреваемых этот круг не слишком сузился. Как и у всякого финансового воротилы, у банкира Гонопольского было много врагов, явных и скрытых. Подозревать можно было всех и вся, чем, собственно говоря, следствие и занималось до сих пор с переменным успехом.

Вот почему я взирала на стоявшую передо мною девушку с фиалковыми глазами с особенным интересом. Одно дело узнавать о потрясшем город преступлении из газет, и совсем другое – воочию видеть жену погибшего, которой, как утверждалось, достанется все его состояние.

– Я понимаю, ты можешь мне не верить, я и сама бы на твоём месте не поверила, – говорила тем временем Марина, забавно потряхивая кукольными кудряшками. – Но я в самом деле жена... то есть вдова Максима Гонопольского! И в скором времени вступаю в права наследства. Кое-кому это не нравится, потому что я всем им сразу заявила, что намерена сама вести дела. Они засомневались сначала, потом стали отговаривать, а этот, которой с лысиной и пузом, даже грозил... Но ничего у них не получится! Я хочу возглавить банк и возглавлю!

Последние слова Марина произнесла, топнув ножкой, словно молодая лошадка. «Однако девочка ещё не наигралась в богатство и не вникла в положение дел», – подумала я. Скорее всего, насмотрелась западных фильмов про эмансипированных бизнес-леди и захотела им подражать. Ничего удивительного, что кто-то этим недоволен. Вряд ли такая

кукла даже примерно представляет себе, что такое управлять банком!

– Детка, скажи-ка мне вот что: а зачем ты пришла на квартиру шофера, как, ты сказала, его зовут, Стас? Да? Так вот – зачем он тебе понадобился? Богатые вдовы не навещают скромное жилище водителей. И к тому же ты пришла к нему без охраны. Это тоже странно!

– Я всегда хожу без охраны, – дернула плечиком Марина. – Зачем мне охрана? В наследство я вступаю только на этой неделе, а до тех пор что с меня было взять? За полгода, что прошло со смерти Макса, я весь наш общий счет опустошила и в долги залезла, потому что дом, прислуга, машина – за все надо было платить, да и одни похороны мне тоже обошлись в круглую сумму! И охранник в этом положении был бы ненужной роскошью. А вот теперь – другое дело. На этой неделе я по закону вступаю в наследство, и охранник мне будет необходим. И им будешь ты!

– Я не охранник, а телохранитель. И «да» я пока еще не сказала.

– Почему?

– Потому что ты не ответила на первый вопрос. Зачем ты пришла к Стасу?

Марина нахмурилась, села на кровать и уставилась на меня, наклонив голову. Пальчики нервно перебегали по пуговицам рубашки, словно выплясывали какой-то свой, известный только им танец.

– Тебе кажется, что тем самым я предала Макса? Но ведь прошло уже целых полгода! А Стас...

– Да-да, я слышала, «секс он выдавал обалденный» и всякое такое. То есть вы были любовниками.

– Ну да. Только я...

– Что?

– Только я никогда не обещала ему большего. Мальчик для секса – и не более того! Так что он не убивал Макса, если ты об этом. Да у него и возможности не было... Муза Стаса даже в кабинет не пускала, всегда звонила ему, когда было нужно, предупреждала, во сколько выезжать.

– Я извиняюсь, но из твоих слов следует, что ваша со Стасом любовная связь началась еще до убийства Гонопольского?

– Да... – Марина запнулась. – Очень задолго. Дело в том, что он... Он вообще был моим первым мужчиной.

– Вот как? Друг детства?

– Ну почти что. Одноклассник.

– Так у вас была любовь?

– Ну да. В последнем классе. А потом его в армию забрали, и я... В общем, так получилась, что... Хотя вообще-то я не хотела, и когда клялась, что дождусь его, то, честное слово, думала, что так все и будет... А оказалось... Да что говорить! – махнула Марина рукой. – Цинично звучит, конечно, но все к лучшему оказалось. Ну дождалась бы я Стаса из армии, кем бы я сейчас была? Женой шофера? Очень надо! –

И нижняя губка, капризно выдвинувшись вперед, придала круглому лицу выражение презрительного превосходства.

– Ну, судя по последним событиям, ты была бы сейчас не женой, а вдовой шофера.

– Тоже ничего хорошего, – быстро возразила Марина. – И потом, это неправда. Ведь стреляли-то в меня! Снайпер этот – он же просто промахнулся!

– Не хочу тебя огорчать, но настоящий снайпер промахивается раз в сто лет.

– Значит, вчера закончилось ровно сто лет с последнего раза!

– Ладно, допустим. Так что со Стасом – это у тебя когда возобновилось? Я не из любопытства спрашиваю, пойми, – пояснила я, заметив, как снова насупилась Марина. – Если бы ты не нанимала меня на работу, мне бы вообще не было дела до ваших отношений! А теперь, раз ты доверяешь мне свою жизнь, то я должна знать об этой жизни все! А вдруг ты не права и убийца метил именно в Стаса? Вдруг он убил из ревности?

– Ну-у-у, всякой девушке, конечно, приятно, когда ее ревнуют, – снова тряхнула кудряшками Марина. – Но все же не до такой степени! Со Стасом у нас началось снова... В общем, как только он вернулся из армии и меня встретил, так и началось. Мне просто устоять было трудно, такой мачо! Его в десантных войсках знаешь как накачали, мускулы были – во. Положит мне руку на спину, так голова кружится и все

плывет... Нет, чего ни говори, а в постели он из всех самым лучшим был.

– Из всех?

– Женя, я что, похожа на монашку? Да, из всех! В конце концов, я знаю мужчин.

В этом можно было не сомневаться. Даже сейчас, одетая в грубые джинсы и ковбойку, непричесанная и неумытая, Марина была чудо как хороша. В ней непостижимым для меня образом сочетались трогательная беззащитность и кошачья грация. Если учесть, что и личико у нее было миленькое, одни только фиалковые глаза чего стоили, – ну ангел, а не девушка. Ясно было – мужчины слетались на маленькую женщину с пухлыми щеками как мухи на мед.

– Итак, вы встретились со Стасом?..

– Вот привязалась! – топнула ножкой Марина. – Ну да, снова встретились года два назад или немножко меньше, словом, я уже замужем за Максом была. Вот просто так на улице столкнулись, представляешь? Я из солярия выходила, раз в две недели езжу загорать, мне бронзовый оттенок очень идет, а Стас шел мимо, ну просто как в кино... Ну, узнали друг дуга, обнялись. Я даже расплакалась, – она улыбнулась и прикрыла глаза, пряча интимность воспоминания. – В кафе пошли. Он сначала не хотел, давай просто так, погуляем, говорит... Еле затащила. И только потом догадалась, почему он сопротивлялся: ему платить нечем было! Сам признался. И что без работы третий месяц, потому что после армии он

еще служить остался, по контракту, а потом ранение в Чечне получил, и комиссовали его, и что мама больна – у него мама долго астмой болела. Смотрел на меня при этом, как... как на Мадонну! За руку взять боялся, представляешь? – а ведь хотел, я это очень хорошо видела. Ну помучила я его немножко, а сама горю вся, как вспомню, как мы с ним... – Марина запнулась и вновь подняла на меня молящие глаза. – Женя, ты не думай, что я развратная или нимфоманка какая... Просто мне опять вспомнить захотелось его, до дрожи! Даже голова закружилась!

– И вы поехали?

– Ну да, к нему. Можно было, конечно, в гостиницу, но мне захотелось к нему, как раньше. Маму его как раз в больницу увезли накануне, так что все удачно так сложилось. Вот. Ну а потом, когда все кончилось, я ему так сразу и объявила: что замужем, что многое могу себе позволить, что и ему помогу по мере возможности, но содержать его не буду. На работу устрою, говорю, Максиму как раз шофер был нужен, и маме в больницу на лечение немного денег переведу. Но не более того. Никаких жиголо я никогда содержать не буду – это мой принцип.

– А он что?

– Обиделся почему-то. Лицом так потемнел. Даже не хотел, чтобы я его к мужу устраивала, но я настояла. Я всегда, если мне надо, на своем могу настоять, да... Ну вот и все, собственно! А вчера его убили.

– Все это время Стас продолжал оставаться твоим любовником?

– Да, но это не то, что ты подумала. Мы нечасто встречались. Может быть, раз в месяц, не больше. Так, молодость вспомнить.

– И всегда на его территории?

– Ну разумеется, иначе что же это были бы за воспоминания!

Аргумент был сильный. Я глянула на часы – однако мы проговорили добрый час.

– Жень, ну так что? Ты поступаешь ко мне на работу?

– Поступаю. – Я поднялась со стула и протянула ей руку. – Поступаю, но с тремя условиями.

– Зарплату я не задерживаю.

– Это прекрасно, но дело не в этом. Итак, условие первое: сейчас ты завтракаешь с нами, со мною и тетей Милой, потому что она смертельно обидится, если мы уйдем не позавтракав. И второе: за завтраком никаких разговоров об убийстве и так далее, потому что тетя Мила смертельно напугается, даже если слово «труп» будет произнесено шепотом.

– А третье условие?

– Оно такое: сразу после завтрака ты звонишь в милицию и рассказываешь им о том, что вчера произошло на квартире Стаса.

– Же-ня-а-а...

– Вынуждена настаивать на этом, и по очень простым при-

чинам: во-первых, если в квартире убитого остались твои вещи, документы, тебя все равно очень быстро вычислят, а во-вторых, если ты скроешь от органов информацию о готовящемся или уже совершенном преступлении, неприятности будут и у меня – просто отберут лицензию. А без лицензии я не смогу быть твоим телохранителем.

– Ладно, – вздохнула Марина. – Но только, когда они все сюда понаедут и начнут меня терзать, ты будешь рядом.

– Разумеется. Теперь я буду рядом всегда.

После завтрака в тети-Миленном вкусе (после которого всегда страшно подумать, что на свете существуют еще обед и ужин) Марина с выражением героической решимости на лице набрала ненавистный ей милицкий номер.

И следующие часа три мы с клиенткой провели в аду перекрестных допросов и подозрительных взглядов. Причем меня, как персону, не имеющую отношения к убийству (дело, конечно же, происходило на квартире убитого шофера), хотели сразу же выставить из комнаты, но Марина устроила настоящий скандал.

– Я не буду отвечать на ваши вопросы без своего адвоката! – кричала она, сжимая мою руку. (Пожатие ее оказалось на удивление крепким и жестким.) – Или нет, я вообще не буду ничего рассказывать! Имею, между прочим, такое право – не свидетельствовать против самой себя! Так что встретимся в суде, и ни минутой раньше, понятно?

– Дорогая Марина Георгиевна, а ведь я легко могу вас

арестовать как подозреваемую, — медовым голосом уговаривал Гонопольскую ужасно противный следователь в мятой рубашке. — Ведь нигде и никем не доказано, что это не вы стреляли в своего любовника!

— Арестуйте! — скалила на него зубы моя клиентка. — И если вы это сделаете, то не услышите от меня ни одного слова до самого суда, а пресса поднимет такой скандал, после которого вам вряд ли удастся удержаться на рабочем месте!

— Ну почему же, Марина Георгиевна, милая...

— Да потому, что даже самый тупой журналист в сто раз дотошнее самого умного следователя! — язвила Гонопольская. — И он, представьте себе, легко догадается, что одновременно находиться в комнате с любовником и стрелять в него с расстояния в несколько десятков метров — невозможно!

Пока они препирались, я разглядывала более чем скромную обстановку квартиры потерпевшего. Труп потерпевшего уже увезли, и о том, что совсем недавно в этой комнате произошло убийство, почти ничего не говорило, за исключением скомканной окровавленной простыни, которую не успели убрать с кровати.

Да еще разбитое окно.

Я подошла к нему. Стекло все в паутинках трещин — на внешней стороне, а по центру — входное отверстие с неровными краями, диаметром около пяти сантиметров. Я прикинула на глаз — отверстие приходится примерно на уровень

грудной клетки или головы сидящего на кровати человека.

– Пулю нашли? – спросила я у следователя.

– Нет пока. Но сто шансов из ста, что судмедэксперт извлечет ее из тела убитого, – машинально ответил он, не повернув в мою сторону головы.

Я кивнула. Итак, похоже, стреляли из пневматического оружия. Убийца находился в жилом доме напротив – в квартире или на крыше, думала я. Именно из пневматики, потому что выстрел из огнестрельного оружия прошел бы оконное стекло не так деликатно – оно дождем осыпалось бы на подоконник. Современные же пневматические ружья, снабженные баллончиком со сжатым воздухом, позволяют стрелять с достаточно большого расстояния.

Я взглянула на следователя в мятой рубашке с сожалением. Для него нет ничего хуже, чем убийца с пневматическим оружием – ведь, в отличие от нарезного, такое ружье или винтовка не оставляет на вылетающих из ствола пулях характерных следов, а это значит, что восстановить по «почерку», из какого именно пневматического ствола был сделан выстрел, будет практически невозможно.

– А соседний дом осмотрели? – снова спросила я, разглядывая сквозь сетку трещин ничем не примечательную пятиэтажку напротив.

Нет никакого сомнения, что убийца прятался там. Окна квартиры шофера Гонопольского расположены ровнехонько напротив окон этого дома. Другого места для прицельной

стрельбы просто не могло быть.

– Осмотрели, – все так же машинально ответил мне следователь. – И обнаружили на чердаке снайперскую винтовку с оптическим прицелом иностранного производства. Очень дорогая штучка, стоит никак не меньше двадцати «кусков», не наших, конечно, а империалистических. Очень редкая модель. Чтобы уметь обращаться с такой винтовкой, нужны определенные навыки... Но позвольте! – наконец спохватился он и уставился на меня, как какой-то особенно непонятливый баран на какие-то потрясающе новые ворота. – Но позвольте! А с какой стати вы устраиваете мне этот допрос, хотел бы я знать?!

– Да просто спросила.

– «Просто спросила»? Ну, знаете ли, это уже черт знает что. Это нарушает всякие границы! Вы же не имеете к делу никакого отношения! Выйдите из комнаты... нет! Вообще покиньте квартиру!

– Женя уйдет отсюда только со мной! – с видимым наслаждением сообщила следователю Марина Гонопольская.

– Это еще почему?

– Потому что она – мой телохранитель. Телохранитель не покидает своего клиента!

Следователь выругался и отвернулся.

Поверх его головы Марина взглянула на меня победоносно. Я не понимала, чему она так радуется, – в конце концов, бедняга просто выполняет свою работу. Марина же разгова-

ривала и вообще обращалась с ним так, словно он был ее личным врагом, и в этой своей ненависти даже переигрывала.

– Господин Курочкин, мы уходим отсюда, – сказала она, снова беря меня за руку. – Вы достаточно промучили нас, а я деловая женщина и не могу позволить себе терять по три часа в день на пустые разговоры.

– Нет, вы останетесь! Я еще не закончил!

– Нет, мы уходим. И если не хотите скандала – а я могу поднять его в два счета! – вы отойдете в сторону и освободите нам проход. Далее попрошу вас обращаться к моим адвокатам. Я не хочу вас больше видеть!

Здрав подбородок, Марина схватила меня за руку и пошла к двери.

– У тебя есть на чем доехать? – спросила Марина, сбегая по ступенькам подъезда.

– Куда?

– Ко мне! Я безлошадная – меня вчера Стас привез. На чем ты обычно едешь?

– На «Фольксвагене». Он на стоянке.

– Чудненько! Побежали на стоянку!

Уж не знаю, что ее так торопило – наверное, вполне объяснимое желание как можно быстрее покинуть комнату, в которой она пережила столько неприятных минут. Но мы действительно побежали и, достигнув стоянки, нырнули в машину.

– Куда ехать? – спросила я, выводя «Фольксваген» на главную дорогу.

Марина назвала адрес элитного дома на набережной – своего рода архитектурная достопримечательность, жить в которой могли себе позволить только очень состоятельные люди вроде банкира Гонопольского. Чтобы добраться туда, нам понадобилось немногим более получаса.

Выпрыгнув из машины, Марина снова схватила меня за руку и повела. Странная привычка! Придется поговорить с клиенткой.

– Марина! Телохранитель – это не подруга, – зашептала я. – Ты не должна хватать меня за руку. Дай мне возможность идти впереди или позади.

Марина искренне удивилась:

– Почему? А если мы и вправду подружimsя?

А вот это вряд ли. Эмоции сильно сказываются на выполнении обязанностей охранника, причем, как правило, отрицательно. Хорошие отношения с клиентом, конечно, идут только на пользу работе, но лучше держать дистанцию. Дружба может вылиться в то, что у клиента появятся личные просьбы, например, придержать дверцу машины или поднести чемодан. Это мелочь, но у людей нашей профессии всегда должны быть свободны руки, чтобы можно было в любой момент быть готовым к действиям.

– Клавдия Васильевна, познакомьтесь! – Мы поравнялись с окошечком консьержки. Милая женщина с реденькими,

но тщательно уложенными седыми волосами подняла на нас взгляд, с трудом оторвавшись от кроссворда.

– Это – Женя. То есть Евгения Максимовна Охотникова. Она будет у меня работать в должности... ммм... помощницы и секретаря одновременно. И может быть, выполнять всякие мелкие поручения, так что, если что – вы открывайте ей дверь и пускайте наверх, хорошо? А ключи от квартиры у Жени будут.

Ни слова не говоря, консьержка кивнула и продолжила разгадывать кроссворд.

Гонопольская схватила меня за руку (опять!), затащила в лифт и остановила кабину на пятом этаже.

– Черт, а у самой-то у меня нет ключей, только сейчас вспомнила! Оставила сумку с ключами и пудреницей у этого дурака Курочкина. Но ничего. Шура откроет.

– Кто это – Шура?

– Домработница. – Марина позвонила, а потом начала стучать – сразу ногами.

Дверь была очень добротная, вся из кованого железа, с какими-то загогулинами под старину и массивная – такую не вскрыешь ни ломиком, ни фомкой. Но, к моему удивлению, из-под низу пробивалась полоска света. Неужели домработница оставила дверь открытой? Однако! Уши ей надрать – терпеть не могу рассеянной прислуги!

– Марина, подожди. Дверь открыта, – указала я клиентке на узкий клин света.

– Да? Странно... Вот дрянь! Уволю! – с этими словами Марина рванула на себя дверь и буквально ворвалась в прихожую.

Нам в уши сразу ударила гнетущая, какая-то настороженная тишина. Интересно, что сначала обе мы обратили внимание именно на это и лишь затем увидели, какой кавардак творится вокруг.

В коридоре огромной, отделанной панелями из красного дерева квартиры все было перевернуто. Размах этого беспорядка отдаленно напоминал ералаш, который время от времени устраивала в нашей квартире тетя Мила, когда с ней случался приступ хозяйственной горячки и она вытряхивала из всех шкафов и тумбочек наши вещи. То же творилось и в квартире клиентки: гардероб и телефонная тумбочка в прихожей были бесцеремонно выпотрошены. Такая же картина царила и в остальных комнатах.

Первой мыслью было – Марину обокрали! Но через секунду мне стало ясно: неизвестные просто что-то искали в доме клиентки, и искали так тщательно, что даже поскидывали книги со стеллажей и разворотили набивку дивана и кресел. Вынутая из шкафов одежда вперемешку с постельным бельем и разными мелочами валялась посреди комнаты. Под нашими ногами жалобно похрустывали осколки зеркал и посуды из серванта. Большой ковер в гостиной был сдвинут к стене и наспех свернут.

– Кошмар какой, – пробормотала Марина, останавливаясь

посреди комнаты и пугливо озираясь.

– Кто это сделал – есть у тебя какие-нибудь предположения?

– Нет... Но не Шурка, это точно.

– А где же тогда она?! – вскричала я. – Где домработница?!

Мы снова кинулись в комнаты, то есть Марина только хотела кинуться, но, повинувшись моему жесту, осталась стоять у стены. Я же, выхватив из бокового кармана брюк пистолет, по стенке прокралась в спальню... пусто... в третью комнату, которую можно было назвать кабинетом или комнатой-студией из-за множества расставленных вдоль стен незаконченных картин в деревянных рамах... тоже пусто...

Пусто было в туалете, ванной комнате, просторном чуланчике, именуемом кладовкой. А в кухне...

Там, возле самого стола, головой к двери, лежала женщина лет сорока – сорока пяти. Она была мертва, причем смерть ее наступила недавно – кровь на виске еще не успела засохнуть.

Я опустилась возле домработницы на колени и осмотрела. Пуля попала в висок, женщина совсем не мучилась – умерла мгновенно.

– Женя! – слабо позвала Марина из коридора.

– Стой на месте!

Стараясь ни к чему не прикасаться, я огляделась вокруг: в кухне царил такой же беспорядок, как и в других комна-

тах. Я тронула руку домработницы; труп уже начал остывать. Кровь тоже перестала идти. Под коротко стриженной головой образовалась внушительная лужа.

Мысленно произведя кое-какие вычисления, я сделала вывод, что стреляли опять-таки с дальнего расстояния. На коротких волосах и возле раны не было следов пороха. И, оглянувшись, я увидела приоткрытую створку окна, от которой откололась большая щепка – теперь она валялась на полу. Итак – снова снайпер!

Я вышла в коридор. Ни слова не говоря, теперь уже я сама схватила Марину за руку и повела за собой – обратно вниз, но не лифтом, а по ступеням. Клиентка не задала мне ни одного вопроса – наверное, догадалась, что произошло.

Мы дошли до окошка консьержки.

– Клавдия Васильевна! – окликнула я склонившуюся над кроссвордом седовласую голову женщины.

– А? Сейчас...

Консьержка подняла на меня глаза, в которых еще стояла мука неразрешенного вопроса.

– Клавдия Васильевна! Кто недавно побывал в квартире Гонопольских? Отвечайте по возможности быстро и не раздумывая!

– А?

Я повторила вопрос.

– Так кто же?

– Вооруженный грабитель, разбойник... – словно раз-

мышляя, пробормотала она.

– То есть вы хотите сказать, что сами впустили в квартиру жильцов постороннего человека? Бандита? – сдерживаясь, чтобы не закричать, уточнила я.

– Точно! – обрадовалась моим словам Клавдия Васильевна. – Ну конечно, бандит! Вы правы, правы совершенно!

– В чем?!

– Ну вот в этом! – она ткнула карандашом в лежащий перед нею кроссворд. – Конечно же, «вооруженный грабитель, разбойник», шесть букв – это бандит!

Воспрянув, она записала найденное слово в пустующие клетки кроссворда.

Во мне поднялась волна раздражения.

– Дайте-ка! – протянув руку в окошечко, я вырвала из рук Клавдии Васильевны газету и, свернув в трубочку, легонько стукнула по отделявшему нас барьерчику. – Вы что же, моя дорогая, работы хотите лишиться? И под суд пойти? «Халатность» – такую статью в Уголовном кодексе еще никто не отменял! До двух лет, между прочим!

– Не понимаю, – консьержка смотрела на меня опешив и, кажется, действительно не понимая, чего от нее хотят. – Кто вы? Что вам нужно? Отдайте мне газету!

– Я спрашиваю – кто, какой человек вышел отсюда некоторое время назад? Кто это был? Тот, кого вы сами пропустили в квартиру Гонопольских – и не отпирайтесь, мимо вашей будки этот тип проскочить просто не мог!

– Не понимаю, о чем вы... Марина Георгиевна! – увидев мою клиентку, женщина как будто начала оживать и в глазах ее появилась уже осмысленная тревога. – Марина Георгиевна, скажите своей подруге, или кто она у вас там – коллеге, что я не понимаю, чего она от меня хочет! Вы же сами велели мне пропустить...

– Кого?

– Ну этого молодого человека, друга вашего мужа! Вы сказали, что он ненадолго зайдет, заберет папку с бумагами, которую дома забыли, а на работе она нужна...

– Я так сказала? Вам? – нахмурилась Марина.

– Ну да! По телефону, конечно. А что, вы поправились уже? – наивно спросила она. – Голос-то в трубке у вас хрипловатый был... Я еще настойкой календулы посоветовала горлышко прополоскать, помните!

– Не помню! – отрезала Марина. – Сколько ни напрягаю память – не помню, и все! Поэтому попрошу вас тоже поднапрячься! Когда это он... то есть я, вам позвонила?

– Я же говорю – недавно! Ну может, с полчаса!

– И вы вот так сразу меня узнали? Хотя я и была простужена?

– Не сразу, конечно, не сразу! Я два раза переспросила, кто звонит. Ну вы и представились. А потом сказали – пропустите, Клавдия Васильевна, ко мне в дом молодого человека, он сейчас подойдет документы важные забрать, которые мне на работе нужны! Я еще спросила – а как же он их

найдет у вас в доме? А вы сказали – там Шура в курсе. А я еще сказала – знаете, мол, Мариночка Георгиевна, не по инструкции это. Не имею права впускать в дом посторонних в отсутствие хозяев! А вы сказали – в виде исключения, дорогая, я в долгу не останусь...

На этих словах консьержка замолчала и уставилась на Марину в надежде получить на чай.

– Не останавливайтесь, пожалуйста, – попросила я, отвлекая внимание клуши (иначе Клавдию и не назовешь!) на себя. – Итак, вам позвонили, а потом пришел этот молодой человек. Так?

Она кивнула.

– Отлично. И как же он выглядел?

– Ну как... Обыкновенно, как... А что же вы, Мариночка Георгиевна, не знали, какой он из себя, ваш посланец?

– Отвечайте на вопрос! – прошипела Марина. – Я вам потом... расскажу... как он выглядел.

– Ну, что же. Человек как человек. Худой, правда. В куртке черной, воротник поднят, и в шарфе... И еще шапочка у него такая круглая черненькая была на лоб натянута, я еще удивилась, ведь хоть и сентябрь, а рано еще шапки-то носить... Кивнул мне, сказал – к Гонопольским, и в лифт. А я еще ему вслед прокричала, что сорок седьмая, мол, квартира, вдруг, думаю, не знает иль забыл...

– Больше о нем ничего не вспомните?

– Нет... Да и не разглядывала я. Занята была! – она поко-

силашь на газету в моей руке. – А что такое? Случилось что?

– Случилось, – отрезала я. – Такое случилось, что вам на вопросы об этом типе как минимум еще с месяц в различных кабинетах отвечать придется. У Гонопольских в квартире человека убили!

Обе они – и Марина, и консьержка – вскрикнули и прикрыли рты ладошками.

– Звоните в милицию, Клавдия Васильевна. И все им расскажите. Ордена за эти воспоминания я вам не обещаю, но посильную помощь следствию оказать сможете.

– Как же это... Прямо сейчас звонить?

– Прямо сейчас. А если спросят, куда теперь хозяйка подевалась, скажите – исчезла в неизвестном направлении в сопровождении девицы подозрительной наружности.

Маринина рука вновь вползла в мою ладонь. И, не оборачиваясь к клиентке, я и так почувствовала, как она дрожит, я потянула ее за собой.

Мы буквально выскочили на улицу и короткими перебежками добрались до «Фольксвагена».

– Женя! Ты что говоришь?! Шурку нашу – убили?! – набросилась на меня Марина, когда мы отъехали на некоторое расстояние и я остановила машину, чтобы допросить клиентку.

– Скажи, как выглядела твоя домработница?

– Ну, высокая такая, худая... нет, даже тощая, можно сказать, кости торчали... Стриглась под мальчика... Всегда в

брюках ходила...

– Все! Ошибка исключена. Ее убили. Вчера, может быть, незадолго до того, как прицелились в твоего Стаса! И опять из снайперской винтовки! Наверное, снова из окна соседнего дома!

Машинально обернувшись на дом напротив, Гонопольская затеребила меня за рукав:

– Из окна? То есть опять с большого расстояния? А как же тот, ну, который подделался под мой голос? Которого впустила консьержка?

– А черт его знает! Может, он приходил убедиться, что жертва мертва?

– А вдруг это был вовсе не убийца?

– Может быть и это, но слишком маловероятно. Ты заметила, он сделал все, чтобы твоя Клавдия Васильевна не разглядела его? Шапочку на лоб натянул, черная куртка с поднятым воротником, шарф... Как хочешь, это подозрительно! Кто так одевается в сентябре и при такой погоде?

– Жень... А что он у меня искал, как ты думаешь? Квартира-то как раскурочена... Просто погром какой-то.

– Ты у *меня* спрашиваешь, что этот тип искал в твоём доме? – поразила я. – Это ты должна мне сказать! Что ты прятала в доме? Сейф, тайник, драгоценности, крупные суммы денег, компрометирующие документы на кого-нибудь? Отвечай быстро! И только не ври – дороже выйдет.

Марина моргнула. Всего одну какую-то долю секунды в ее

чудных глазах мелькнул расчет: сказать – не сказать? «Скажу», – прочитала я за мгновение до того, как клиентка открыла рот:

– Я... Жень, ну... За несколько месяцев до смерти Макс мне и вправду передал какую-то папку и сказал, что этой папкой можно Попову – это второй соучредитель банка, тоже член совета директоров, что этой папкой можно Попову так нос прищемить, что у него насморк на всю жизнь останется... Они в последнее время сильно между собой не ладили. Макс хотел откупить у Гоги его долю, а Попов на это не шел. Тогда Макс нанял кого-то и...

– Где эта папка? Куда ты ее положила?

– Ну в тайник, конечно.

– Какой тайник, где он находится? Быстро говори, Марина!

– Ой да слушай! Сказать смешно просто! Я этим сейфам, будь они там хоть какими супернавороченными, никогда не верила! Раз кто-то придумал такой сейф со всеми его замками, то найдется и тот, кто эти замки при желании в два счета вскроет, так ведь? Ну или взять тайник: ведь грабитель в первую очередь станет стены простукивать и опять же наткнется на любую пустоту, а это значит, что тайник тоже ненадежно...

– Не тяни.

– Ну короче, все самое ценное я еще по бабушкиному способу прятала, меня мама научила! Видела у нас в гостиной

шторы такие парчовые, тяжелые? С бахромой и золотой вышивкой?

– Дальше! – Я смутно припомнила, что именно такие шторы, перехваченные с боков широкими лентами, в самом деле закрывали окна в большой комнате.

– Ну так вот, с обратной стороны я к левой шторине аккуратно так пришила большой карман, из такой же ткани! Незаметно совсем, а между тем туда годовой бюджет России положить можно! И никакой ворюга не догадается.

– Короче! Папка с компроматом – в этом кармане?

– Да, и мои драгоценности, кредитки, кое-какие документы и денег тысяч тридцать, наверное, в валюте... Слушай, Женя! – всполошилась Марина. – Это же все надо немедленно забрать! Сейчас консьержка вызовет милицию, они станут обыскивать квартиру, еще раз перевернут все вверх дном и найдут!

– Если только тот человек в черной куртке не нашел твои сокровища раньше.

– Женя, он не нашел! Если шторы висели на месте, а не валялись на полу – не нашел!

– Они висели на месте.

– Все! – в возбуждении Марина ударила меня по плечу кулачком. – Едем обратно! Немедленно, пока нас не опередили!

– Ты уверена, что не хочешь показать свой компромат следователю?

– Ты что?! Чтобы Попов им заплатил, и они нашу заветную папочку «случайно потеряли»? А ведь партнер Макса и есть убийца, я это чувствую! Больше просто некому!

В глубине души я была с ней согласна. Конечно, не в том, что убийцей обязательно и непременно является деловой партнер Максима Гонопольского некто господин Попов. А в том, что папочка с материалами, при помощи которых можно этого Попова прижать, должна оказаться все-таки в наших руках. В силу своей профессии мне не раз приходилось сталкиваться с работниками милиции и прокуратуры. Были среди них и честные люди... наверное, но как-то мне не сильно повезло с ними встретиться.

А ведь, может быть, ключ к убийствам именно в этих папках, которые Максим Гонопольский принес домой незадолго до смерти?

– Я сейчас, я быстро, Жень! – рванулась клиентка, открыв дверцу.

– Стой! Куда?!

– А что?

– Я твой телохранитель. Сиди на месте! Сама схожу. Мало ли что – если убийца и в самом деле охотится за тобой, значит, может подстерегать за каждым углом!

Марина снова похлопала глазами.

– А как же я останусь здесь... без тебя? Вдруг он сейчас смотрит на нас в прицел своей винтовки и только и ждет, чтобы я осталась одна? – спросила она резонно.

– Не беспокойся, все предусмотрено. Жаль, окна в «Фольксвагене» незатемненные. Так. Быстро перелезай на заднее сиденье и ложись на пол. Я тебя накидкой прикрою. Мою машину в вашем дворе никто не знает. Если ты не будешь маячить в окне, никто даже не догадается, что я постоянно вожу тебя с собой. Как запасное колесо.

Несмотря на нервное напряжение, Марина все-таки улыбнулась моим словам вымученной улыбкой. Ей понадобилось немного времени, чтобы выполнить мои указания и залезть на полу между сиденьями. «Девушка-то тренированная, – подумала я, накрывая клиентку сдернутым с кресел чехлом. – А впрочем, чему тут удивляться, ведь смогла же она холодной ночью перебраться через два балконных ограждения и пожарную лестницу!»

Сделав круг вокруг окрестных домов, мы снова притормозили возле дома Гонопольских. Я оглянулась; ни милиция, ни представители прокуратуры пока не подъехали – если, конечно, консьержка их вызвала.

Дорога была каждая секунда. Я миновала воззрившуюся на меня с немым удивлением Клавдию Васильевну, запрыгнула в лифт и поднялась в квартиру.

Там все было по-прежнему – разруха и хрупающие под ногами черепочки разбитой коллекционной посуды. Не заглядывая в кухню, где лежало тело убитой домработницы, я быстро прошла в гостиную и занялась обследованием штор.

Пришитый Мариной карман и в самом деле было не так-то просто найти – девушка неплохо владела рукоделием. Недолго думая, я просто с силой потянула на себя оба полотна – искать стремянку, чтобы добраться до потолка, было некогда, а на общий беспорядок в квартире сорванные шторы вряд ли как-то повлияют.

В гардине лопнула какая-то струна, и тяжелые занавеси, по-человечески вздохнув, рухнули у моих ног. Легкое облачко пыли метнулось кверху, я чихнула и опустилась на колени. Теперь в комнате стало гораздо светлее, да и поиск был существенно облегчен – вот он, карман! Нашупав Маринино хранилище, я вынула из него папку в кожаном переплете, потом вторую – прозрачную, где лежали загранпаспорт, страховое свидетельство и несколько банковских карточек. Последней на свет появилась аккуратно перетянутая резинкой пачка долларов.

Все это я как могла рассовала по карманам и частично сунула за пазуху; консьержке незачем знать, что я покидаю квартиру Гонопольских не с пустыми руками.

Все, можно идти назад.

Стараясь ступать как можно тише, я вышла обратно на лестничную площадку и весьма благополучно, не встретив ни единой живой души, добралась до первого этажа.

И тут меня окликнули.

– Евгения... как вас? Максимовна, да? Евгения Максимовна! – звала консьержка.

Чертыхнувшись, я снова подошла к ее окошечку:

– Вы милицию вызвали?

– Да, жду их вот. Я что сказать-то хотела!

– Ну?

– Вы с Мариной Георгиевной так меня напугали, что я не сразу сообразила... Ох, голова кругом! Этот, который в черной куртке-то приходил, он же в почтовый ящик какую-то записку бросил! Перед самым уходом. У нас почтовые ящики вот в том конце коридора висят. Я еще подумала – зачем это он? Ведь раз от самой Гонопольской посланец, так мог бы эту записку прямо ей в руки и передать. А он – в ящик.

Несколько секунд я внимательно смотрела на Клавдию, пытаюсь определить – такая ли она дура, какой кажется на самом деле, или женщина пытается вести со мной какую-то свою, непонятную игру. Работать консьержкой в элитном доме и впускать во вверенные ей квартиры жильцов всяких подозрительных незнакомцев по первому же звонку! Одного этого хватило бы на то, чтобы выписать консьержке волчий билет во веки вечные и разместить везде, где только можно, ее портрет с надписью: «По ней плачет музей круглых идиотов».

– Клавдия Васильевна, я прошу вас сосредоточиться, – сказала я ласково. – Вы ничего не путаете? Совсем ничего? Человек в черной куртке в самом деле являлся сюда и действительно бросил в почтовый ящик Гонопольских какую-то записку? Или, может быть, это был принц на белом коне и

подложил он не записку в ящик, а букет алых роз на ваш рабочий столик?

Моего сарказма консьержка явно не поняла. Она задумчиво нахмурила брови, кинула недоверчивый взгляд на свой столик, будто надеясь и в самом деле обнаружить там упомянутые розы, еще немного подумала и сказала на этот раз очень твердо:

– Нет. Был черный человек. И записку в ящик опустил. Я сама видела.

– Ну хорошо.

– Что хорошо?

– Хорошо, что вспомнили. Хорошо, что у вас не склероз – а то бы было неизлечимо.

– Да, – кивнула консьержка серьезно. – Склероз не лечится, по своей сестре знаю. Но знаете что? Говорят, о нем можно забыть!

Вот-вот могла нагрянуть милиция. Счет шел уже на доли секунды. Я пересекла холл и, чтобы не тратить время на возню с замком, рывком вышибла жестяную дверцу почтового ящика. На пол посыпались рекламные проспекты, парочка газет, тяжело шлепнулся глянцевый журнал в целлофановой обложке – но все это меня не интересовало. Я подняла с пола только один, сложенный вчетверо тетрадный лист. Развернула и прочла:

«Северный вокзал, камера хранения, ячейка № 312,
код 3842ЛД08».

Интересно... Чем-то напоминает американские боевики постперестроечных времен – после получения таких вот записок непобедимые герои обнаруживали в камерах хранения добротные чемоданчики, битком набитые новенькими хрустящими долларами. В России дело обстояло хуже: наши горе-адресаты нередко вынимали из камеры чемоданчик с бомбой, и это было последнее, что они видели в своей жизни.

Что же хотели подсунуть вдове убитого банкира Гонопольского?

А впрочем, разберемся.

Выскочив в залитый осенним солнцем двор, я сразу же с удовлетворением отметила про себя, что клиентка четко выполняет данные ей инструкции: лежит на полу «Фольксвагена» и не шевелится. В окна машины ее совсем не было видно.

От автомобиля меня отделяло всего несколько шагов, и я успела сделать два из них, как вдруг тренированный глаз уловил там, высоко, на техническом этаже противоположного дома, вспыхнувший на солнце и через долю секунды исчезнувший блик.

Годы службы на Кавказе, где от того, успеешь ли ты вовремя заметить такой блик или нет, часто зависит твоя жизнь, приучили меня реагировать мгновенно: бросившись на землю и несколько раз перевернувшись со спины на живот, я оказалась прикрыта капотом машины – здесь снайпер меня вряд ли достанет! И все же по асфальту в сантиметре от меня

прочиркало несколько пуль, отколовших от покрытия внушительные кусочки. Черт!

Осторожно потянув из-под спрятанной под рубашкой кобуры пистолет, я распласталась на земле, сняла оружие с предохранителя и прицелилась в то самое окошко под крышей, где, по моим прикидкам, находился снайпер.

Спрятанные за пазухой папки с документами сковывали движение, мешали сосредоточиться. Но черта с два я от них теперь избавлюсь! Очень может быть, что именно за папками-то снайпер и охотится!

Недолго думая, я разрядила обойму в оконный проем, где скрывался убийца. Конечно, убить – не убила, но выиграла несколько секунд – снайпер был вынужден укрыться от моих выстрелов либо за стеной, либо на полу, и этого времени мне вполне хватило на то, чтобы запрыгнуть в машину, завести мотор, взвизгнув тормозами, сорваться с места.

– Женья! Что это было? – пискнула из-под прикрытия Маринка.

– Так... дождик прошелестел... – буркнула я, вглядываясь в дорогу.

Хорошо еще, что в этот час на магистрали было так мало машин! Мы мчались на скорости не меньше двухсот километров в час, и только когда отъехали километра полтора-два, я сбросила до ста шестидесяти, потом до восьмидесяти. Все это время я не спускала глаз с зеркала заднего вида. Покружив немного по улицам, вздохнула с облегчением:

«хвоста» не было.

– Женья! Что ты мне голову морочишь! Мы же от кого-то убегаем! И в нас стреляли! – почти завизжала Марина.

– Замолчи!

– Я боюсь!

– Не бойся, я с тобой! – крикнула я, не оборачиваясь. – Кино такое было в детстве, помнишь?

– Что?

Вместо ответа я, продолжая крутить руль, пропела куплет из когда-то всем известной песни:

Почему же так темно – просто я закрыл глаза,
И не вижу ничего, только чувствую тебя,
Ты дрожишь в моих руках – потеряла ты покой,
Тебя крепче обниму – ты не бойся, я с тобо-о-ой!..

По необъяснимой причине у меня было прекрасное настроение – азарт и предчувствие большого приключения пузырились в жилах, как шипучий лимонад. Я нисколько не сомневалась в сути того, что сейчас произошло.

Итак, снайпер наблюдал за мной из окна соседнего дома, того самого, откуда минуту назад мелькнул огонек его оптического прицела. Было так: убив домработницу Шуру и переворотив всю квартиру, он не нашел того, чего искал. Поэтому вернулся обратно и взял квартиру под наблюдение – нам с Мариной крепко повезло, что в первый раз мы с ним просто разминулись!

После того как я сдернула шторы в гостиной, убийца, как на витрине, мог видеть все, что происходило в комнате. Он заметил, что я нашла тайник, и, наверное, догадался, что нужная ему папка теперь у меня. Стрелять в меня из окна было бессмысленно – второй раз дуриком в квартиру Гонопольских ему было не проскочить, а папка нужна была до зарезу – ведь именно за ней он приходил!

Только привычка всегда смотреть по сторонам и обращать внимание на любое мало-мальски подозрительное явление спасла мне жизнь. Иначе лежать бы мне сейчас на заплеванном асфальте, раскинув ручки-ножки и с дырой в голове, а убийца в черной куртке улепетывал бы к заказчику с папкой под мышкой.

– Женья!

– Да?

– Ты ведь меня спасешь?

– Никуда не денешься. Такая уж у меня профессия – спасать других!

Глава 3

Несколько лет назад, когда я еще только начинала карьеру телохранителя, мне в голову пришла блестящая мысль занять себе тайную конспиративную квартиру для особых случаев. Такая квартира всегда нужна – например, чтобы принимать фигурантов, которые не хотят друг с другом встречаться, или чтобы при необходимости скрыть от посторонних глаз клиента, которому угрожает опасность. Сегодня был как раз такой случай.

– Мы едем в очень хорошее, надежно законспирированное место, – ответила я на вопрос клиентки «Куда ты меня везешь?». – Ты поживешь там несколько дней.

– А ты?

– Ну и я тоже, ведь я теперь твое второе «я».

Квартирка была маленькая, но уютная – по крайней мере, в ней было все необходимое для того, чтобы отсидеться несколько дней без особого для себя ущерба. Что я и объяснила слегка обалдевшей от событий этого дня Марине, когда привела ее в свое «гнездышко» и усадила на диван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.